

ИЩЕЛЕНИЕ

Реабилитационный центр "Яункемери"

Яункемери — почти конец Юрмалы. Курортников и туристов — минимум. Сосны сплошным, через которые прямая дорога к морю. Ходу минут десять. Но за 10 минут, как показывает практика, еще никто не доходил. По дороге все застревают в черничнике — черных ягод с сизым налетом здесь видимо-невидимо. Плюс грибы — маслята.

Вот в этом божественном местечке и затерялся корпус центра "Яункемери". Девять этажей здания — красное с серым. Номера весьма скромные: с удобствами, но без особой роскоши. Зато бальнеологический корпус — по последнему слову. Надо сказать, что на всем Юрмальском побережье из более чем 100 здравниц после развала СССР "Яункемери" единственный выжил. Здесь приводят в себя больных после шунтирования и других операций на сердце, с заболеваниями нервной системы и опорно-двигательного аппарата. За лето принимают до 400 больных из, естественно, Латвии, а в основном наших бывших соотечественников из Израиля, Германии, США. Николай Караченцов — один из немногих здесь россиян. Вместе с ним в Яункемери находятся жена Людмила Поргина, домашний врач семьи Елена Слонова и шури, попавший вместе с Николаем в автокатастрофу, Андрей Кузнецов.

Михаил Малкиель, главный врач реабилитационного центра:

— Когда он приехал, я увидел человека с тяжелой травмой. Я видел и тяжелее больных: спинальных, с переломом шейного отдела позвоночника, прикованных впоследствии к тележке. И я спасал их от наркомании, алкоголизма... Но такого больного, с такой сочетанной большой травмой, как у Караченцова, я вижу впервые.

С момента катастрофы прошло почти полгода, но только сейчас открывается то, что было известно лишь очень узкому кругу. А именно: момент, когда Караченцов был на волосок от смерти. И это случилось не в ночь на 1 марта, когда его "Фольксваген" закрутило на пустой ночной дороге и шваркнуло о бетонный столб, а на следующий день. Тогда у него отказали легкие. Даже аппарат искусственной вентиляции легких не мог справиться. Тогда его перевернули на живот и давили на легкие что есть силы до тех пор, пока он не задыхался.

— Когда я получил его эпикриз из Москвы, я колебался, — продолжает Малкиель. — Я очень колебался, понимая, какую моральную и профессиональную ответственность беру на себя. Но почему-то был убежден, что у меня он может прибавить. А когда я посмотрел ему в глаза... Они оказались живые. И я услышал сильное "спасибо".

Малкиель — уникальный доктор, специалист по сосудистой хирургии. Создал этот центр еще во времена Хрущева, руководит им по сей день. Награжден новой властью латвийским орденом Трех звезд, что говорит о признании медицинской значимости его дитища. Другил с Андреем Мироновым, который именно из Яункемери в 1987 году отправился на последний в своей жизни спектакль в Ригу. До сих пор умеет слушать сердце ухом, как учили в старой медицинской школе.

Что происходит с Николаем Караченцовым сегодня? Этот вопрос мучает многих, порождая всевозможные слухи и домыслы. Один из основных — его подняли благодаря модному направлению в медицине — столовым клеткам, которые ему вживили еще в Москве, в институте Склифосовского. Вношу ясность — полная ерунда. Никаких стволовых клеток. Он поднимается и возвращается в жизнь исключительно усилиями врачей, жены и ресурсов собственного организма.

Как выглядит

Несравнимо с тем, как выглядел в Москве. Во-первых, слегка загорел: в первые дни августа в Юрмале было жарко, и он успел словить солнце. Во-вторых, изменилась мимика лица. Как говорит доктор Малкиель, когда он приехал, оно у него было застывшее.

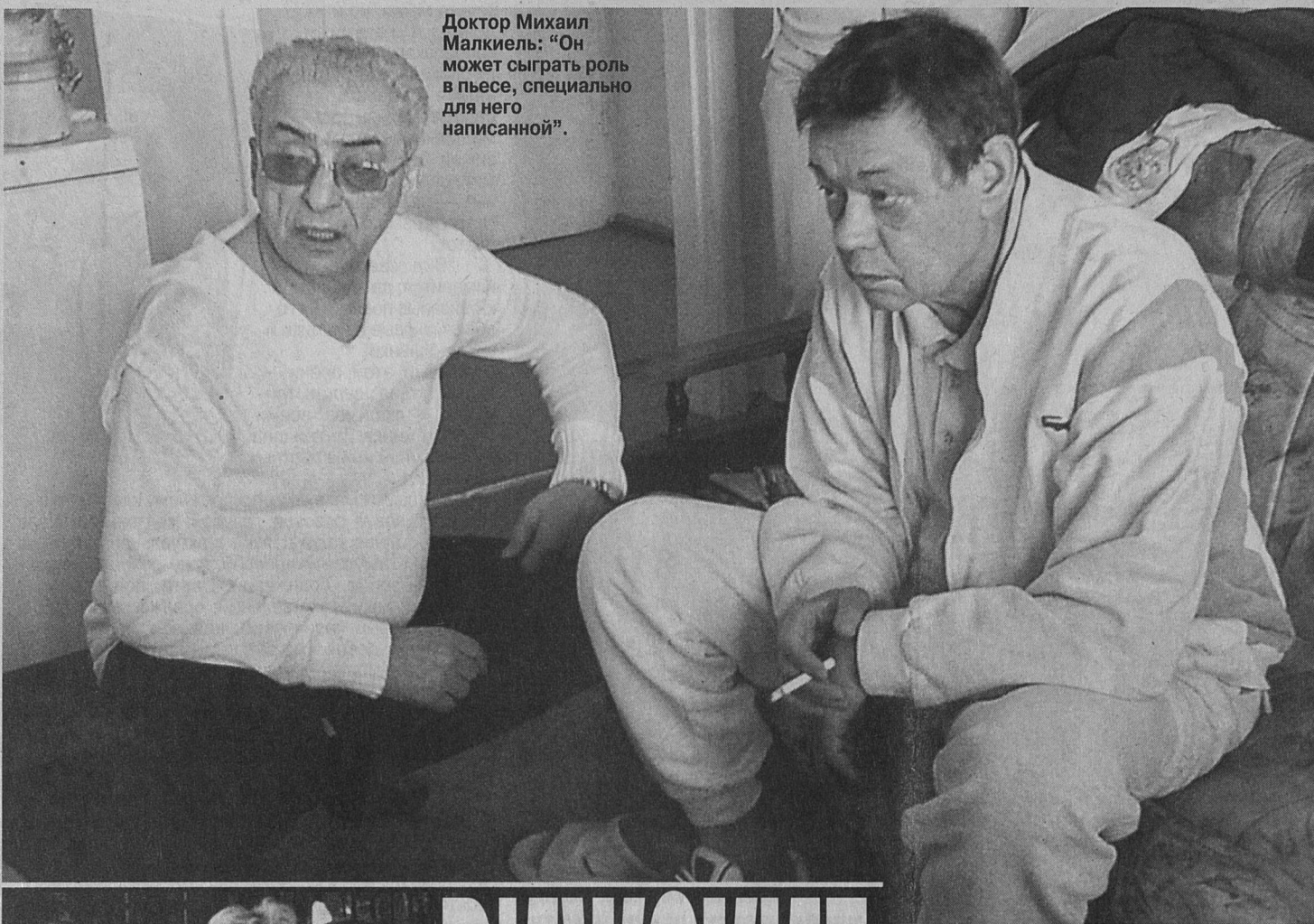
— А сегодня, когда я принимал в хирургии больных, он мне улыбался.

Линия рта до приезда была как бы съехавшей в одну сторону. Теперь она выпрямилась, и фирменная улыбка Караченцова явно возвращается. А смеется он все чаще и чаще. В основном шуткам своей жены. Когда Николай произносит привычное "курить", Людмила так развивает эту никотиновую тему.

— А может, виски? Коньяку? Девочек?... Петрович смеется. Но, надо сказать, сам поражает окружающих юмором.

Режим дня

Подъем в 9 утра. Завтрак приносят в палату. В общую столовую пока не спускается. Если в Москве его кормили, то здесь ест уже само

Доктор Михаил Малкиель: "Он может сыграть роль в пьесе, специально для него написанной".

С верными друзьями — Сергеем Ратниковым и Татьяной Силовой.

Елена Слонова, домашний доктор Караченцовых:

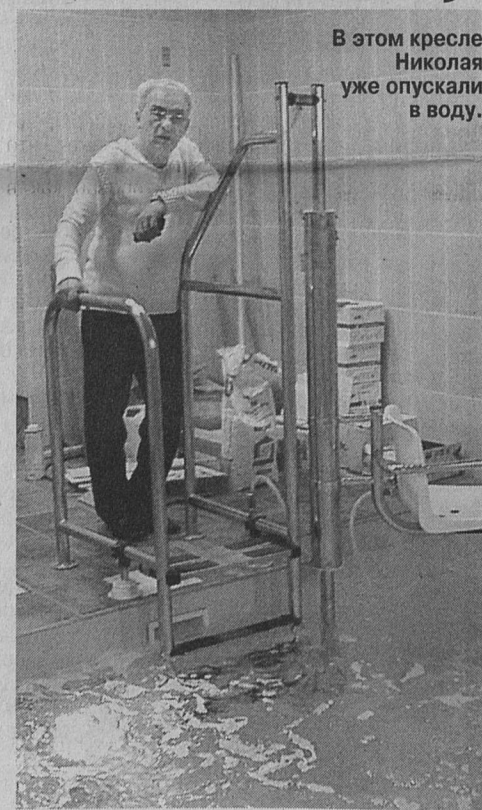
— В Москве у него плохо обстояли дела с ближней памятью. Теперь он отлично запоминает сиюминутные события и то, что произошло вчера. Вот когда на днях массажистка попросила передать мне, что время массажа переносится, то об этом забыли все, кроме Петровича. Кроме этого Караченцов отлично помнит все, что связано с Юрмалой. Когда въехали в Юрмалу и его друг Сергей Ратников объявил "Юрмала", Караченцов закричал: "Ура!". Узнал места, где когда-то играл в теннис. А после того как один человек позвонил с Рижской киностудии и представился каскадером, который когда-то работал с артистом, тот с ходу перечислил несколько латышских фамилий.

В адекватности его нет и сомнения. Не было и тогда, когда он еще в очень тяжелом ослабленном состоянии находился в Склифе. Елена Слонова вспоминает, как однажды, проходя мимо поста медсестры, он про себя прочел объявление с ошибкой: "При поступлении в первое нейрохирургическое отделение...". Только взглянул и сказал: "Два "и" в конце", — и пошел мимо. В Яункемери, общаясь с доктором Гитой Берзиной, которая его ведет, он обычно целует ей руку и говорит по-латышски: "Лаби". То есть "спасибо".

Лечение

С самого начала Караченцову назначили работу в физкультурном зале. Но основной упор делается на эрготерапию и с ним работают 3 эрготерапевта. Что это такое? По сути, это один из ведущих предметов в реабилитации, обучающий людей обслуживать себя. Входим в комнату — обычная жилая комната с кухней полной плочек, тарелок, где в банках — соль, манка. Учатся резать капусту — только не простым ножом, а длинным, со специальной ручкой, фиксирующей кисть руки. Такие же здоровые здесь ложки с вилками. Позанимавшись с ними, больные переходят на обычный формат столовых приборов.

Во всяком случае, Николай Караченцов самостоятельно уже может есть, одеваться-раздеваться и — самое сложное в его положении — надевать кроссовки и завязывать шнурки. Пишет, на зависть другим, красивым почерком. Общий бассейн Караченцов пока не посещает. Но для него торопятся открыть особую ванну, размером 3,5 на 4,5 и глубиной 1,40. Ее особенность в том, что пациент погружается в воду, сев в специально оборудованное и гидравлически управляемое кресло, где он сам может регулировать свое погружение. Это ванна с тремя видами массажа: массаж шейный, боковой и нижний. Нижний действует на область бедер и гениталий.

В этом кресле Николая уже опускали в воду.

Также ему хотят продолжить процедуры в барокамере. Но сероводородные ванны, которыми так славится "Яункемери", пока не назначают. Потому что опасаются его реакции на весьма специфические запахи ванн. "Не все и не сразу", — говорят врачи.

Чего прежде не было

В Юрмале у Николая Петровича проявилось то, чего прежде в поведении не наблюдалось. Он стал за всех опасаться. Так, когда я подошла к морю, то за своей спиной услышала рычащее: "Осторожнее!!!" — и так со всеми. Идет ли он к морю, переходит ли дорогу, всех предупреждает и даже напрягается. Единственное место, где не работает это правило, — как ни странно, в машине. Здесь он никого не просит пристегнуться. Все считают, что он работает ангелом-хранителем.

Речь и юмор

Говорит он намного лучше и больше, чем прежде. Во всяком случае, все его близкие признаются, что раньше с трудом разбирали слова, теперь — нет проблем. Свои мысли, в силу того что формулировать быстро ему сложнее, чем думать, он выражает весьма лаконично. Но скажет как припечатает. И посмотрит так, что мало не покажется. Как-то, устав, он несколько раз повторил жене: "Хочу спать".

— Колясик, еще раз скажешь "хочу спать", я тебя застрелю, — засмеялась Людмила. Прошло время. Он подошел к супруге.

— Девонька! Стреляй.

Свободное время

Его не так много. Вся первая половина дня занята работой и еще раз работой. После обеда — 2 часа сна. Но случаются и выезды за пределы реабилитационного центра. Тогда за Караченцовыми приезжает очень симпатичный Сергей Ратников, и они едут в центральную часть Юрмалы — в Майори к друзьям. Татьяна Силова держит на знаменитой улице Йомас русский ресторан с очень хорошей кухней. Здесь же и отметили приятную семейную дату — 5-летие свадьбы единственного сына Андрея. Правда, сам виновник торжества в тот момент находился в Москве и не видел, что его отец, как в лучшие времена, вел стол. То есть говорил тосты и даже поднял мужчин, когда выпивали за женщин. Впрочем, выпивать для Караченцова — это громко сказано. Ему позволено немного вина. В ресторан подошел и Александр Калаян, у которого дача в Булдури. Видно было, что волновался, обнял друга.

Андрей Кузнецов, шури:

— Он абсолютно такой же, как был всегда, тот же Коля, просто очень устал и у него серьезная травма. А знаешь, какой у него сейчас любимый анекдот? Приходит человек в поликлинику сдавать анализы и пытается протиснуть в окошко 3-литровую банку мочи. И так ее поставит, и эдак — не проходит. Старушка в очках смотрит на него, вздыхает и говорит: "Эх, милоч, ты бы еще чемодан говна принес". — "Как знал..." — говорит мужик и нагибается за чемоданом.

Что плохо?

Говорит, ходит, ноги в море мочит, да еще хорошим почерком пишет! Можно подумать, что все о'кей и речь идет о резко выздоравливающем человеке. Речь идет о человеке, вернувшемся с того света, — все с поправкой на это. Остается еще много проблем: сонлив, устает, говорит, но не с такой беспечной легкостью, как мы с вами. Каждый шаг — это труд, это победа над самим собой, над обстоятельствами. И прорыв — из смерти в жизнь.

Прогнозы

Это то, что обсуждается больше всего и что ярко, как ничто другое, проявляет отношение людей к Караченцову. Оказывается, не все так любят его, как твердят об этом с экранов и в прессе, а сами между собой записали его в инвалиды — "не вернется в профессию". Но в данном случае я доверяю только мнению специалиста.

Доктор Михаил Малкиель:

— Сегодня Николай проходит период не новорожден-

ного, но период детства. Сегодня из этого ребенка надо сделать человека. Но человека, пригодного к жизни и работе. Что ему сегодня мешает жить? Измененная психика? Нет. Сердце, печень, почки? Нет. Память? Она у него очень хорошая. Я уже не помню, в каком году в Ригу привозили "Юнону" и "Авось". А он помнит. Я борюсь за то, чтобы он пошел в нашу столовую. И я этого добьюсь. Также добьюсь, что он войдет в бассейн.

— Но это же понятно — он стесняется.

— Ему есть отчего стесняться: был на сцене, а теперь в такой ситуации. Я считаю, что доза нейролептиков, лекарств должна быть сокращена, если вообще не отменена. Чрезмерная сонливость, которая прерывается чрезмерным курением, — должна уйти. Это все то, над чем мы властны. Нельзя из него делать инвалида. Это человек был, есть и должен быть. И тем более нельзя на нем спекулировать — это не та личность.

— Многие, в том числе и ваши коллеги, не верят в то, что Караченцов может вернуться в профессию.

— Я считаю, что это безнравственно, если это заявляет врач. Это не врач, а палач. Я не знаю, вернется ли он на большую сцену, но если он почувствует себя человеком, свободно двигающимся, себя обслуживающим, если от него уйдет психологическая патология, связанная с огромными переживаниями периода выздоровления, двумя трепанациями черепа... Если до него дойдет, что он должен быть ответственным перед Богом, я уверяю, что он вернется.

Равно как верю, что он может сыграть роль в пьесе, специально для него написанной. Вот к этому надо сегодня готовить Караченцова. И это для меня является не только желаемым, я бы постепенно доводил его до этого состояния.

— Как вы думаете, он сядет за руль когда-нибудь? И реально ли это вообще?

— В ближайшие годы, я думаю, конечно, нет. Не знаю, как пойдет дальше реабилитация, но он должен приобрести уверенность. Лично я после автокатастрофы сел через полгода. Но тут был другой случай.

— По сравнению с другими пациентами он находится в особых условиях?

— В особом внимании, я бы сказал. Те же медсестры, те же врачи, что и у других. Но внимания ему, конечно, больше.

— Сколько ему придется заплатить за пребывание в Юрмале, в вашем центре?

— Я не подсчитывал и подсчитывать не буду. А мне это не надо. Если бы ты не спросила, я бы и не думал.

— Это ваша благотворительность?

— Это мое жизненное кредо. Если оплатят его меценаты, то только по самой низкой цене: пребывание Караченцова в центре уже в компьютере, уже в аудиции. Но если это не сделают другие, я сделаю это сам.

Через месяц, а то и меньше, в Яункемери заведут лошадей. Не для прогулок на свежем воздухе, а как средство реабилитации. Уже построили конюшню, пригласили специалиста. Ведь лошадь — такое животное, которое помогает наладить все динамические и психологические функции человека.

Каждый день он выходит к морю. Стоит и смотрит, как лениво набегает на берег волна тихого залива. Как жирные чайки дерутся с альбатросами за рыбу. А белый берег убегает вдаль. А он смотрит. Он думает. О чем? Ясно — о жизни, в которую он вернулся.

Марина РАЙКИНА.
Москва—Юрмала—Москва.
Фото автора.

Реабилитационный центр "Яункемери".